

Елена Палашек

Рыбачка Соня как-то в мае

Рыбачка Соня как-то в мае у Майи решила заглушить душевные страдания алкоголем. Начало было положено еще в самолете – перелет из Одессы в Лос-Анджелес, где жила ее тетя, растворился в алкогольном сне, как сахарная вата в дожде. Тетя Майя неплохо устроилась на чужбине и сама себе завидовала, что так сильно скучает по Одессе. Она отнеслась с пониманием и ни о чем не расспрашивала пьющую родственницу. На третий день, продолжая размазывать слезы и сопли по лицу, девушка наконец смирилась – она сама во всем виновата. В момент прозрения Соня уже полночи обнимала унитаза. Наутро она зареклась употреблять и открылась родственнице:

– Я с Костей развожусь!

– Мне он никогда не нравился. Неужели ты не могла найти себе в мужья хорошего еврейского мальчика? Так я тебе скажу, что меня больше интересует, кому в этот раз достанется шаланда, полная кефали, – тетя в любой ситуации не теряла самообладания.

– А ты как думаешь? – решительно хмыкнула Соня.

– Убери сомнения со своего лица! Нет, я, конечно, тебя не оставлю в беде, но кефаль жалко, таки деликатес.

– Вместо пожалеть – издеваешься, – Соня накрутила локон на палец. – Так и знала, не скажешь мне ничего хорошего.

– Почему не скажу?! Мы разве поссорились? Или ты предлагаешь мне, старой деве, пожалеть сучку, которая бросила уже второго Костю?

– Но тетушка, я не полная дура, не вся кефаль бывшему досталась. Была заначка, и мы с новым выкупили кое-что.

– Во как! Подозреваю, что выкупили именно за твою заначку. И как тебе понравится мой вопрос: на чье имя?

– Ну...

– Если ты подумала, шо я опоздала со своим вопросом, так я тебе скажу, таки да. Сонечка, девочка, ты ж не на Молдаванке родилась, поэтому не догадываешься, как Пересыпь на это смотрит. Шучу, конечно.

Соня рассмеялась, чтоб сделать тете приятно, и попыталась пошутить в ответ:

– Что мне Пересыпь, когда мой старый с горя курить бросил и сказал: «Нет счастья без «Казбека».

Тетушка шутку оценила по-своему:

– Ничего, родная, не беда, я подарю тебе на свадьбу табачную фабрику «Казбек Морис», – Майя широко улыбнулась своей новой шутке. Она любила себя улыбающуюся, поэтому старалась как можно чаще одаривать собеседника голливудской улыбкой, стоившей ей немалых денег. – Причем вместе со связями и крышей.

– И что мне прикажешь? Прыгать от радости? – Соня попыталась обнять тетушку.

– Истес-с-ственно! – тетя отстраняясь, потушила в пепельнице сигарету и тут же вытянула из пачки еще одну. – Чтоб ты из трусов не начала шить майки, я буду за тебя не только переживать.

– Тетушка, когда переживаешь, не кури так много. Я понимаю, что тебе сигареты ничего не стоят, но минздрав предупреждает.

– Минздравом меня не запугаешь, между сигаретами я глотаю американские бады. Как же зовут... твоего будущего, и сколько ему еще жить осталось?

– Не поверишь, но зовут его тоже Костя, и в свои сорок восемь он о смерти еще не думает.

Тетя Майя театрально взмахнула руками:

– Кто б сомневался, что моя племянница Соня, да еще из Одессы, не успокоится, пока не переспит со всеми Костями на свете. Он хоть лучше предыдущих на морду лица?

– Теть Май, переспать дело не хитрое, а вот женить на себе третьего Костю, учти, красавца писаного, на это только твоя племянница способна.

– Моя школа!

– Ты ж плакалась, что старая дева.

– Ну, старой девой я стала не так давно, с момента твоего приезда. А до этого... короче, есть о чем вспомнить.

Майя, глубоко затянувшись, опустила веки, хранящие еле заметные следы блефаропластики, пытаясь скрыть воспоминания, Выпуская тонкой струйкой дым, женщина откинулась на спинку дивана. Длинный мундштук в тонких пальцах слегка подрагивал. Футболка на груди натянулась, и стразы заиграли новыми красками, наполнив комнату солнечными зайчиками.

Соня села рядом и положила голову тете на плечо:

– Думаю, вспоминать рановато. Чтоб я так выглядела в шестьдесят, как ты!

– Слушай сюда, а не здесь: твои сорок немного отстали от моих шестидесяти, но у нас обеих осталось катастрофически мало времени на уже! Кстати, сегодня ночью прилетает тот, с кем я собираюсь уже это сделать. Не хочу тебя расстраивать, но он тоже Костя.

– Ух ты!

– И шо ты знаешь? Мой Костя и твой Костя – две большие разницы: мой староват для меня, ему уже сорок семь, а твой для тебя в самый раз, хотя ему сорок восемь.

– Теть Май, ну ты даешь. И что ж ты молчала? Как я покажусь с такой опухшей рожей?

– Ша, дорогуша. Во-первых, он прилетит поздно ночью, так что время есть, привести себя в порядок успеешь. Через пару часов приедет косметолог, обслужит меня и тебя, хотя, может, тебя обслуживать не за что?

Соня надула губки:

– Почему такая несправедливость?

– В таком виде ты точно моего Костю не отобьешь у престарелой родственницы.

– Я в любом виде отбивать не буду, тем более у меня есть свой Костя. Но ты уверена, что фабрика «Казбек Морис» его интересуется меньше, чем ты?

– Шоб ты была такая умная со своими. В моем возрасте не спрашивают: помидоры уже хорошие или потом дешевле будут? И я ничем не рискую, переписывая все на тебя.

Соня вскочила, обняла тетю и поцеловала в щеку:

– Приготовить рыбку?

– Ты хочешь блюдо испортить или чтоб я за так платила своей домработнице? – Майя встала и, подмигнув племяннице, пошла к двери на кухню. Приложив палец к губам, она резко открыла дверь, за которой замерла пышногрудая красавица неопределенного возраста в позе: «говорите громче, мне плохо слышно». – Все, Мелания, мы уже посплетничали, можешь идти готовить рыбку: старшенькую пожарь, а младшенькую отвари на юшечку.

Пышногрудая красавица, знающая себе цену, спокойно посмотрела на хозяйку дома:

– Все – це коли вже ноги холодні. Дуже мені треба вас слухати. Піду краще готувати, щоб потім все викинути. Хай вам грець з вашими дітками.

* * *

На следующее утро синело море над бульваром в Одессе, где остался скучать Сонин Костя за своей Сонечкой. А девушка проснулась почти счастливой в Калифорнии. Голова не болела, и хотелось есть, а не выпивать. Молодость быстро восстановила на лице румянец, стерла темные круги и опустошила мешки под глазами. Девушка рассматривала себя в зеркало, ей нравилось все, даже ненавистный острый подбородок и чуть оттопыренные уши.

Соня спала так крепко, что на ней можно было танцевать, поэтому она не слышала, как ночью тетушка привезла гостя. Посмотрев на часы, девушка решила, что в такую рань счастливая пара должна еще наслаждаться друг другом или во сне, или наяву. Спускаясь с третьего этажа на кухню, она думала о своем Константине. Два месяца назад они познакомились в Николаеве в холле маленькой гостиницы, тщательно оберегающей совковый менталитет каждого помещения, ждущего если не ремонта, то хотя бы уборки. С ней случилось то, во что она никогда не верила – любовь с первого взгляда, и девушка решительно направилась к двухметровому красавцу:

– Ничего приличного придумать не могу, давайте просто познакомимся.

Мужчина сморщил нос и прищурил левый глаз:

– Да, именно так! Пойдемте в номера, у меня до самолета остается меньше суток.

Впервые Соня поняла, что секс гораздо шире простого введения члена во влагалище. И с первым, и со вторым мужем она совершала механические движения «девочки по вызову». Она переместилась с одного полюса мимолетного и ни к чему не обязывающего удовольствия на другой, где секс – это любовь, служение женщине, высокая поэзия. Каждая новая встреча с новым Костей казалась Соне фантастической, феерической и последней. Мужчина умело держал ее в тонусе.

* * *

Майя проснулась в объятьях любимого, не понимая, чем заслужила это безумие до синяков на бедрах. Она не считала себя потерянной для постельных сцен, но стеснялась показывать даже ровесникам складки на животе и боках и рубцы на подтянутой груди. Со своим мальчиком она познакомилась год назад в Одессе в ресторане на Дерибасовской, где ужинала с подругой. Время терять в ее годы преступно – в тот же вечер Майя оказалась с ним в одной постели. Это был грязный животный секс. Мальчик смог раскрепостить женщину, которой хотелось темноты и не хотелось снимать бюстгальтер. Но он разложил ее на кровати со словами:

– Я хочу целовать каждую твою родинку и папиллomu. Я уже люблю все твои складочки.

Этот мальчик говорил так искренне, что Майе принципиально не доверяющей первым встречным, захотелось доверить ему не только тело, но и душу. Хотя жизненный опыт требовал сарказма, поэтому она не отказала себе в удовольствии пошутить:

– А я ожидала, что ты мне скажешь: «Вы интересная чудачка, но дело, видите ли, в том, что нас разделяет пропасть лет в двадцать».

Но Костя проигнорировал эти слова и продолжал губами скользить по ее шее. Ей захотелось забытых ощущений из молодости. Она расслабилась и радовалась, что мужчина не ведется на ее провокации. И вдруг молодой человек чуть все не испортил:

– Я же не скажу за всю Одессу, – ухмыльнулся он ненатурально томно, – вся Одесса очень велика, но такую женщину еще я не встречал. Ты – моя богиня на века!

Майе стало тошно, и она решила перехватить инициативу:

– Лучше давай молча займемся делом, – грозно прошептала женщина и закрыла глаза. Закрытыми глазами легче не видеть разницу в возрасте.

* * *

Соня пила кофе под пристальным взглядом домработницы. У нее была аллергия на кофе, но пряный запах заставил забыть об этом. Пышногрудая красавица собиралась печь блины и в дорогой кастрюле взбивала вилкой яйца с молоком. Вилка оставляла шрамы на эмали, но женщина не обращала на это внимания. Соня не выдержала:

– Мелания, вы можете взять миксер и взбить в специальной посуде, чтобы не портить кастрюлю?

– *Не вступай, коли не просять. Думай про себе, про свою кривулю у житті, щось мені не спокійно, мовби лихо на порозі.*

– Ну, во-первых, не каркай, а во-вторых, что такое кривуля?

– *«Кривуля» то ж просто «поворот» російською. Але в тебе у житті саме кривуля.*

– А у вас кривули в жизни были?

– *Була, ще й яка, – домработница поставила кастрюлю на столешницу и вытерла руки о фартук. – Жили ми з чоловіком, нічого собі так жили: і хата, і в хаті. Він мене з села в місто взяв. Навіть машина була, старенька, правда, євробляха, але ж своя. Я в селі свою домівку продала, якраз на машину вистачило та на бізнес якийсь там для чоловіка. І дьорнула мене нечиста на права здати. Облінилась зовсім, навіть в крамницю за хлібом машину випрошувала у чоловіка. Якось повернулася додому з базару, накупила йому всього, навіть пива, захожу та й говорю: «Дорогий, це все тобі. Може, тобі приготувати якусь вкусняшку?» А чоловік мені: «Сильно?». А я йому: «Та ні, милий: фара, бампер, та крило». Ну, то він, того, бив мене і за фару, і за бампер, і за крило. А я ж горда – після лікарні вже до нього не повернулася. А потім рішила оце світ подивитися. От, бач, тепер в Америці.*

– И чего в Америке уже насмотрелась?

– *Ще вснію!* – домработница схватила кастрюлю и продолжила вилкой взбивать уже взбитую смесь.

– Ладно, я уехала, – примирительно сказала Соня.

Она решила съездить в один из моллов, удивительным образом выдерживающих конкуренцию с интернет-магазинами типа Amazon. Хотела предоставить возможность влюбленным побыть наедине подольше.

После обеда ей позвонила тетя:

– Сонька, таки мой Костя, кажется, влюбился по-настоящему...

– Кричали грузчики в порту? – Соня улыбалась трубке, будто ей сообщили, что приехал ее Костя.

– Ты права, это просто песня. И я намерена ее допеть до конца. А тебе спасибо, ты самая понимающая племянница на свете, но вернись поскорее, я все прощу.

– Еду! – обрадовалась Соня: наличные она давно потратила, а средства на карточке тратить не хотела.

* * *

Дверь открыл красавец в спортивных трусах.

– Соня? – еле выдавил он из себя.

– Костя? – вскрикнула она.

В прихожей появилась хозяйка дома:

– А я так вижу в первый раз удивление на лицах. Или я чего-то не знаю?

– Тетя Майя – это мой Костя.

А дальше немая сцена была не менее немой, чем у Гоголя в «Ревизоре». Хотя здесь уместней написать о немом ужасе.

Костя пытался вдавить свое накачанное тело в стенку. Соня пыталась не вцепиться в горло своему возлюбленному. Хозяйка дома мотала головой из стороны в сторону, прижимая сцепленные руки к силиконовой груди.

– Майя – это мой Костя, – повторила девушка, отвесив пощечину возлюбленному. – Подлец, скотина, как ты мог? Ты врал и мне, и тете! Тебя убить мало!

– Убейте! – рявкнул Костя фальцетом.

Слова прозвучали, как ядерный взрыв. Яркая вспышка эмоций и ударная волна обрушились на мужчину. Соня и ее тетя колотили Костю так неистово, что ему оставалось только спастись бегством. Через несколько минут гостиная была на себя не похожа: перевернутая мебель, осколки вазы. Мужчина схватил диванную подушку и защищался ею, как щитом. Но поскольку при ядерном взрыве только пятьдесят процентов энергии идет на образование ударной волны, остальное – световое, электромагнитное излучение и проникающая радиация, все это Костя ощущал сполна. Он понимал, что не выживет в качестве жениха ни с одной из родственниц.

Тетя, теряя силы, подошла к двери и распахнула ее:

– Вон!

– Да уйду я, одеться только дайте.

– Вон, в таком виде, в каком стоишь, вон! Даже твои трусы принадлежат мне. Но я добрая, я их тебе оставляю.

– Ты интересная чудачка...

– Я интересная чудачка, но дело, видите ли, в том...

– Майя, Соня, давайте успокоимся и поговорим, – все еще пытался улыбаться горе-жених.

Майя плюхнулась на диван и брезгливо посмотрела на возлюбленного:

– Он еще разговоры вести не стесняется.

– Соня, Майя, нам есть о чем поговорить, – Костя не хотел подходить близко к распахнутой двери.

Тетушка была настроена решительно, пытаясь поджечь сигарету:

– Вон, слышишь, вон, или вызову полицию и скажу... что ты... Короче, найду что сказать.

Мужчина умоляюще переводил глаза с одной женщины на другую и, наконец, остановил взгляд на хозяйке:

– Что подумают соседи, когда увидят меня в таком виде?

Майя снова глубоко затянулась дымом и, резко выдохнув, снизила до ответа:

– Не морочь мне соседями то место, где спина заканчивает свое благородное название! Мне так стыдно с тобой находиться в одном доме. Вон, я сказала.

– Майечка, солнышко...

– Еще одно слово – и ты будешь на улице без трусов, – бросила испепеляющий взгляд женщина на уже бывшего жениха.

– Слушай, это смешно, – Костя начал пятиться к лестнице, ведущей на второй этаж.

Майя разгадала его маневр и одним прыжком перекрыла пространство перед лестницей:

– Нам не хватало именно этого скандала, шоб так стало весело. Вон из моего дома и из нашей жизни. Выметайся, денег на обратную дорогу дам, но полетишь в труселях.

В это мгновение не выдержала Соня. Она вскочила и запустила в жениха конфетницу:

– Ты исчезнешь наконец?

Константин посмотрел презрительно на соперниц:

– Спелись птички, ласточки мои, солнышки ненаглядные. Ну не покину я эту обитель без бабок.

Это была его фатальная ошибка. Женщины завизжали так, что из кухни вышла грудастая красавица и буквально вынесла на улицу растерянного мужчину, захлопнув перед ним дверь. Он показал закрытой двери средний палец и проорал, снова фальцетом:

– Шоб я вас так забыл, как я вас трахал, суки!

Тетя Майя и Соня наводили порядок в гостиной и, не сговариваясь, запели вместе:

– «Об этой новости неделю в порту кричали рыбаки. На свадьбу грузчики надели со страшным скрипом башмаки».

Неожиданно дом наполнил густой распевный голос Мелании:

– Я ж ва-а-м не скажу за всю Одэсу...

Допев припев, домработница начала хохотать, да так, что кровь прилила к ее щекам, а стекло на столе начало дребезжать. Смех больше был похож на истерику.

Соня метнулась в кухню за водой. Хлебнув из стакана, поперхнувшись и откашлявшись, Мелания выдохнула:

– *Хочте вірте, хочте ні, а це мій Костянтин.*

Первой пришла в себя хозяйка дома:

– Не пойму, у него так много амбиций, чтобы так себя вести?

Мелания загадочно улыбнулась:

– Я хоч тут и в услеженії, та більш за вас знаю, що натура Костянтина схожа на пом'ятий туалетний папір, то що там на ньому написано, вже ніхто не прочитає, але я йому вдячна.

– За що? – синхронно спросили племянница и тетья.

– А за те, що він нас зрівняв – ми всі дури!

А Костя стоял, нерешительно шкрябая дверь, и слушал истерический хохот. Он еще не понимал, что уже никого не интересовало, как он доберется домой.

